

СТАТЬИ И ЭССЕ

Федотова В.Г.

ЕВРОПЕЙСКИЙ «ТРЕТИЙ ПУТЬ» И ЕГО СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Последнее десятилетие Россия переживает тяжелый процесс реформирования. В значительной мере его трудности связаны с серьезными социальными трансформациями мира в целом, которые делают неприемлемыми ни классические схемы модернизации, ни традиционное следование политике правого или левого толка.

В этих условиях России полезен мировой опыт, в частности, то, что необходимо воспринять как символ переустройства. Сегодня многие западные страны выбирают «третий путь» развития. Канцлер ФРГ Г. Шредер называет его срединным. В этом выборе предлагается новая трактовка модернизации и предпринимается попытка преодолеть противостояние левых и правых сил. Именно политический центризм становится символом времени, перестраивающим социально-политическое пространство.

На какие вызовы Западу отвечает концепция «третьего пути»

«Третий путь» реализуется в ряде случаев на основе теоретического проекта. Примером может служить теоретическая деятельность известного британского социолога, директора Лондонской школы экономики и политики Э. Гидденса, подготовившего своими исследованиями переход Т. Блэра к новому лейборизму и «третьему пути».

Концепция «третьего пути» явилась ответом Запада на глобализацию, мировой свободный рынок, информационную открытость и функционирование этого рынка в электронном виде. Глобализация стерла границы между государствами для капитала, товара и информации и поставила перед ними новые проблемы.

Оценивая дискуссии по проблемам глобализации, Гидденс выделяет среди их участников *скептиков* и *радикалов* [13, р.20-35]. Первые не согласны с тем, что глобализация представляет собой нечто принципиально новое, считают, что термин «глобализация» мистифицирует существовавшие ранее тенденции роста мировой экономики. Радикалы, напротив, констатируют наличие совершенно нового процесса, несводимость глобализации к экономике и превращение ее в главенствующую тенденцию развития всего мира. Важно то, что скептики и радикалы представляют взгляды, выражающие позиции левых и правых. Скептики всегда слева, радикалы – справа. Гидденс называет себя радикалом, отмечая тем самым позицию в правой части политического спектра, которую он занимает благодаря своему выбору. Одновременно он обозначает и свои позиции слева. Однако решительное заявление относительно радикализма делает концепцию «третьего пути» уязвимой для критики, и такая критика

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель Центра методологии социального сознания

© Федотова Валентина Гавриловна

© Центр Фундаментальной Социологии, 2002 г.

действительно существует. Она обвиняет сторонников «третьего пути» в предательстве левой идеи и в переходе на правые позиции [12; 14, p.9, 19, 22-26;15].

Место Гидденса на правом фланге определяется тем, что он считает невозможным игнорировать свершившийся факт глобализации и вызовов, которые она бросает самому Западу. Речь идет именно о полезности «третьего пути» для *Запада, и особенно для англосаксонского мира*. Перспективность этой модели для континентальной Европы и других стран впоследствии так же стала предметом дискуссии. Реакция на вызовы глобализации Западу и привела к появлению новых лейбористов и других сторонников «третьего пути». Новое в их левой позиции состоит в том, что они, полагая невозможным отказаться от новой модернизации – перехода к обществу с всемирным открытым и электронным рынком, предлагают совокупность принципов и политических мер, которые могут скорректировать и гуманизировать этот процесс в его воздействии на Запад, так и в конечном итоге на мир в целом.

При оценке отношения Гидденса к глобализации полезно выделить еще одну линию реакции. В литературе она называется трансформационалистской [17, p.10]. Сторонники этой линии, считая глобализацию новым типом социальной трансформации, воспринимают ее как незавершенную и способную изменить свой характер под влиянием объективных обстоятельств, нелинейности современных социальных процессов, а также вследствие политики, направленной на преодоление ее недостатков. Трансформационалист не может сказать, что глобализации нет, что она насаждается или является чистым инструментом западной гегемонии. Для него она есть, причем как объективное явление, итог пятисотлетнего возвышения Запада и модернизации, как ответ остального мира на этот процесс. Но он также не может сказать, что глобализация всегда будет такой, как сейчас. Поэтому, на деле Гидденс – *трансформационалист*, а не радикал. Он объявляет себя радикалом только для того, чтобы отойти от старых левых, заняв позицию на правом фланге, которая определяет и его место на левом – центристскую позицию. Центризм не кажется Гидденсу ни поражением, ни оборончеством. Он соответствует, по его мнению, объективной логике сегодняшних социальных процессов.

Укажем в этой связи на несколько важных моментов. До 11 сентября Запад не представлял в должной мере, с какими внешними вызовами он столкнется. Считалось, что отсутствие альтернативы западной политической модели устраняет для Запада внешние угрозы, но увеличивает внутренние [19, p.261]. Аргументы, на основании которых отрицались внешние угрозы, звучали весьма убедительно: в 1790 г. было две-три демократических системы; в 1920 – десяток несовершенных демократий; в 1950 – 20 стран стремились стать демократиями, не особенно задумываясь о ее качестве; в 1999 – «этикетка» демократии потребовалась большинству человечества, за исключением некоторых стран. К этому (до террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне) можно было бы добавить, что антиглобалистские движения являются разрозненными и слабыми, они не имеют единой цели. Альтернатива, предлагаемая единственной системной оппозицией – исламскими радикалами – не перспективна ни для человечества, ни для самого исламского мира, хотя, как стало очевидно впоследствии, именно она сделала внешние угрозы соизмеримыми со внутренними. Но сторонники «третьего пути» не задумывались о них и рассуждали только о внутренних угрозах Западу, к которым были отнесены коренные изменения в мире.

В 1984 г. американский исследователь Дж. Несбит в своей знаменитой работе «Мегатренд. Десять новых направлений трансформации нашей жизни» утверждал, что человечество ожидает переход:

- от индустриальной экономики к информационной;
- от развитых технологий, к высоким;

от национальной экономики к мировой;
от краткосрочных процессов к долгосрочным;
от централизации к децентрализации;
от институциональной помощи к самопомощи;
от представительной демократии к партиципаторной (демократии участия);

от иерархии к сетям;
от Севера к Югу;
от выбора «или/или» к многообразию возможностей и выбору «и/и», т.е. «и то/и другое» [22, р.ХVII]. Сравним этот прогноз с происходящими сегодня изменениями, приводимыми в статье Мени:

от рациональной унитарной культуры к креолизации (овосточниванию. – В.Ф.) глобальной культуры;

от политической эмансипации к политике «жизненного стиля»;
от равенства к различиям;
от организации, иерархии к реорганизации, сетям;
от рациональности к рациональностям («мы все теперь туземцы»);
от фиксированной идентичности к ее флуктуации и плюрализации;
от гарантированной репрезентации к проблематизации репрезентаций, миру *ad hoc*;

от конца идеологий к вариации жизненных стилей и убеждений;
от прагматизма в политике к фундаментализму в политике [19, р. 260].

Если прогноз Несбита по большинству позиций представляется самоочевидным, то многие из добавленных здесь новых различий выглядят парадоксальными. Именно в то время, когда ослабляются все прежние основания, в политике нарастает фундаментализм. Это значит, что при всех изменениях сохраняются базовые принципы поддержания порядка государством и действием социальных норм.

Разрушение иерархии и организации, устремленность капитала туда, где выгодно, без оглядки на интересы государства, изменения в гражданском обществе и демократии, технологические сдвиги, изменение в характере труда и невозможность полной занятости, изменение института семьи, многообразие стилей жизни оказались такими факторами настоящего и будущего, которые требовали ответа.

Старая реальность еще не исчезла, а новая едва родилась. Но перемены действительно не менее существенны, чем при переходе от Средневековья к Новому времени, от традиционного общества к современному.

Для сторонников «третьего пути» новое состояние, охватываемое термином «глобализация», предстает как переход *в новую современность*. Классическая модернизация представляла собой переход от традиционного общества (с присущим ему господством традиции над инновацией, религиозностью, коллективизмом, доиндустриальным развитием, ценностной рациональностью и т.д.) к современному (где инновация преобладает над традицией, имеется светское объяснение и оправдание жизни, появляется автономный индивид, индустриальное производство, целерациональность и т.д.). Гидденс и другие сторонники «третьего пути» считают, что современное общество, ядром которого стала индустриализация, распространившаяся во многие незападные страны, *может быть сегодня названо традиционным в сравнении с тем обществом, которое создается глобализацией и которое уже сегодня характеризуется глобальным свободным рынком и описанными выше чертами*. Концепция «третьего пути» является новым *прогрессизмом*. Так она названа в документах [3; 4; 23; 25], где лидеры США, Англии и Германии нацеливают свои страны на продолжение прогрессивного развития, которое в условиях глобализации

принимает новый вид – освоение глобальной экономики и решение внутренних задач, вытекающих из новой ситуации неподчинения глобального рынка ни государствам, ни системе государств, ни наднациональным органам. Подобно тому, как либеральные реформы в отдельных странах были частью их модернизации, *глобальная либерализация рынка рассматриваются как необходимая составная часть новой модернизации*. Концепция «третьего пути» предполагает соединение социальной солидарности с глобальной динамичной экономикой. Страны, вставшие на этот путь, намерены отчасти исправить эксцессы мирового рынка проводимой политикой. Но главная цель последней – обеспечить прогресс своих стран.

Новые прогрессисты провозгласили начало новой фазы модернизации Запада как переход к глобальному свободному рынку и строящемуся на этой основе новому обществу. *Таким образом, сторонниками «третьего пути» явились те левые силы на Западе, которые не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли требование участия в глобальном свободном рынке как следствии собственного развития Запада, но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям.*

В чем суть концепции и политики «третьего пути»

Клинтон в конце 80-х гг. характеризовал свой курс как «третий путь». Блэр пришел к власти под лозунгом этим же лозунгом. Варианты такого развития появились и в континентальной Европе, прежде всего в Германии Шредера. Использование этого варианта развития западными странами можно представить как новый этап политической модернизации. Не существует общезападной модели «третьего пути», о чем свидетельствуют разногласия и даже противоречия между Т. Блэром, Л. Жоспеном и Г. Шредером. Легче всего эксплицируется англо-американская модель. Применение ее в других странах требует учета исторических и культурных особенностей, специфики момента и тех или иных задач. Множество «третьих путей» вытекают сегодня из базовой модели или эмпирически «выводятся» различными странами. *Базовая модель «третьего пути» включает реформу государства, превращение его в социальное государство в особом, новом смысле, рост влияния гражданского общества, новые формы социального контроля, связывающие права с ответственностью, переход к ответственному капитализму, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства, сочетание индивидуализма и коммунитаризма, пересмотр концепции социальной помощи, новое отношение к проблеме занятости, учет нестабильности экосистемы, обеспечение устойчивого экологически безопасного развития, создание условий для раскрытия человеческого потенциала, признание важности социального и человеческого капитала, формирование способности жить в глобальном мире, ощущать ответственность за мир в целом.*

Учет социальных сдвигов последнего времени, таких новых социальных процессов, как распад коммунизма, глобализация, технологическая революция, увеличение рисков лишает концепцию «третьего пути» абстрактности, присущей политическим программам различных партий, лишь декларирующим намерения. Модель «третьего пути» становится более специфической, конкретно реагирующей на те проблемы, способы решения которых левыми социал-демократиями и правыми либералами не представляются новым левым адекватными.

Обратимся к базовой разработке «третьего пути» в трудах Гидденса, ибо английская модель капитализма в целом (как и его сегодняшней фазы) приближена к «классически чистой», свободной от помех. Итак, отрицание глобального рынка левыми и его воспевание правыми, по мнению сторонников «третьего пути», не

соответствует задачам момента: национальные государства не могут регулировать глобальный рынок, а его полная дерегуляция увеличивает риски, непредсказуемые катастрофы. Переходя в духе времени к логике и/и вместо или/или, Гидденс предлагает структурный плюрализм, включающий взаимодействие различных социальных институтов – государства, рынка, гражданского общества, демократии, который не дает государству обюрократиться, как это произошло при крайне левой коммунистической трактовке, и не дает ему стать статичным, зависимым и неактивным, что часто сопутствует либеральным режимам. (Тут нельзя удержаться от замечания, что наши неолибералы, они же – бывшие коммунисты совместили оба недостатка). На государство в концепции «третьего пути» возлагается серьезная ответственность. Перед ним стоят огромные задачи по цивилизации общества, по поддержанию публичной сферы. С одной стороны, ему следует приспособиться к уменьшению своей роли в мировой экономике, а с другой, в установлении социальных и цивилизационных рамок, слишком зависящих сегодня от рынка, роль государства возрастает. Оно должно заботиться об уменьшении налогов, экономическом процветании и социальном порядке. Государство должно опираться на публичные институты, которые могут получить приоритеты в решении многих задач. Государство должно самореформироваться для достижения общественного блага, преодолеть апатию избирателей и завоевать их доверие. Оно должно взять на себя функции повышения стандарта образования, исходить из того, что существующей демократии недостаточно и поощрять общественное самоуправление, формировать образы приемлемого политического правления, выступая против коррупции, nepотизма и криминала. Государство должно быть инициатором демократизации второй волны, необходимость которой вызвана глобализацией, и одновременно демократизации надгосударственных объединений, таких, например, как ЕС. Поощрение институтов гражданского общества государством необходимо осуществлять рассматривая коммунитаризм как одним из источников поддержания этических ценностей. Здесь Гидденс ссылается на работы А. Этциони, в последних книгах которого гражданская инициатива и самоуправление тесно связываются с деятельностью сообществ как структурных единиц гражданского общества. «Гражданское общество, – пишет Гидденс, – является фактором одновременного сдерживания рынка и государства. Ни рыночная экономика, ни демократическое государство не могут эффективно функционировать без цивилизующего влияния гражданских ассоциаций» [14, p.64]. В США эта позиция начала устанавливаться в 80-е годы. С классической точки зрения под гражданским обществом понималось общество, способное поставить под контроль государство. В отношении бизнеса признанной считалась формула: «Что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо для Америки». Р. Найдер, баллотировавшийся в президенты США на последних выборах, изменил ситуацию. Он потребовал общественного контроля над бизнесом, организовал юридическую службу, разбирающую иски граждан против бизнеса, которая успешно работает. Теперь в США люди уверены в том, что «не все, что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо для Америки». Гражданское общество стало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Это – ключевая формула «третьего пути», снимающая традиционное левое и традиционно правое представления о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество – контроль за бизнесом и государством. Разумеется, при этом надо быть уверенным в зрелости гражданского общества, его ценностей и институтов. Степенью этой зрелости определяются различия в выборе конкретных парадигм «третьего пути» даже в Европе. Размышления о соотношении рынка, государства и гражданского общества в странах «третьего пути» не могут не привести к обсуждению

отношений государства и глобальной экономики, государства и новых технологий, производящих множество перемен и инициировавших поиск «третьего пути».

Глобальная экономика имеет ряд принципиально новых черт. Среди них Гидденс выделяет огромную роль в производстве науки и информационных технологий, а также символического содержания человеческой деятельности, рекламы, умения «продвинуть» произведенный продукт. Действительно, такие символы, как «французский хлеб», «испанское вино», «итальянская мода», «русская водка» работают на глобальном рынке как значимые факторы бизнеса, закрепляющие определенный успех и дающие немного шансов для новой символической победы, так как на деле немецкий хлеб вряд ли хуже французского, а испанское вино, наверное, не лучше итальянского. Но, например, грузинскому вину в этом символическом раскладе глобального рынка делать нечего. Однако глобальный рынок формируется прежде всего наукоемким продуктом, новой экономикой, основанной на знании. Именно она создает инновации и прибыль, стимулирует чрезвычайную скорость развития на глобальном рынке. Индустриальное производство на этом рынке отдано западным странам, недавно вступившим в эпоху индустриализации, но даже они стремятся к рывкам в новой экономике, минуя стадию индустриализации. Гидденс приводит два примера: аграрный рынок в Чикаго, в районе Великих озер, вытесненный финансовым рынком, и обсуждавшийся проект «Силиконовой долины» (по аналогии с Силиконовой долиной в США, где производятся компьютеры) в Бангалоре (Индия). Английские лейбористы придерживаются позиции конкурентного выбора инноваций посредством рынка и отказываются от дирижизма и протекционизма своей промышленности. К этому их побуждает давняя традиция свободной торговли и наиболее развитого капитализма. Гидденс отмечает, что если бы американское правительство протезировало IBM, не появились бы такие новые замечательные компьютеры, как Macintosh фирмы Apple. В других странах «третьего пути», например, во Франции государство определяет приоритеты. Немецкое правительство отказывается от промышленной политики, но ее осуществляет Немецкий банк.

Новые технологии развиваются чрезвычайно ускоренно, и для тех, кто желает занять место в глобальной экономике, скорость технологического обновления чрезвычайно высока и обязательна. Например, фирма IBM лидировала на мировом рынке компьютеров. Но она решила подождать, пока Б. Гейтс создаст новый Windows для ее компьютера новой модели. Паузой немедленно воспользовалась фирма Compaq. Ее вскоре опередила компания Dell, выпустившая модемы для сети Интернет. Другой пример. Россия обладает на глобальном рынке монополией на двигатели на жидком топливе. В военном плане они неудобны – немобильны, топливо высыхает, но они создают феноменальную подъемную тягу и используются для вывода американских спутников на орбиту. За это наша страна получает один млрд. долл. в год. Это один из немногих примеров успешной деятельности России на глобальном рынке. Конкурентная гонка в глобальной экономике означает, что остановиться – значит умереть. В нашумевшем бестселлере американского журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Т. Фридмана описывается следующая история. Журналист наблюдал, как на заводе в Японии, производящем дорогой и престижный автомобиль «Лексус», один робот приклеивал к машине эмблему, а второй снимал остающуюся после этой операции каплю клея. Всего в производстве автомобиля здесь используется 300 роботов. В этот же день он прочел в «Интернэшнэл Геральд Трибьюн», что араб и израильтянин подрались, не решив вопроса, кто именно из них владеет оливковым деревом. Книга так и называется «Понимая глобализацию. Лексус и оливковое дерево». Автор пишет: «Оливковое дерево очень важно. Оно представляет все, что является нашими корнями, что держит нас на якоре, идентифицирует и помещает нас в этом

мире – будь то принадлежность к семье, к общине, к племени, к нации, к религии или прежде всего к месту, называемому домом... В самом деле, это – одна из причин, почему национальные государства никогда не исчезнут, даже если ослабнут, состоит в предельной значимости оливкового дерева – конечного выражения того, к чему мы принадлежим лингвистически, географически и исторически» [11, р. 30]. Новому миру, созданному глобализацией, всего 10 лет. И есть другой мир. Но в новом мире «победитель получает все» [11, р. 306-320]. Другим остается только завидовать, альтернативы они создать не могут. В этих условиях возможен отказ от участия в глобальной экономике, но его результатом станет немедленная зависимость от тех, кто участвует. Вхождение в новый мир потому и называют новой модернизацией, что ее законы похожи на те, что были присущи старой: страны, не желавшие отвечать на вызов Запада модернизацией, немедленно попадали от него в зависимость, становились отсталыми, несмотря на достоинства, которыми они обладали, а, став отсталыми, теряли и эти свои достоинства. Ситуация похожа на ту, которую Гидденс приводит в отношении людей, имевших равенство возможностей, но не воспользовавшихся им в первом поколении. Обеднев, они лишили следующее поколение равенства возможностей [14, р. 89]. Гидденс пишет: «Социал-демократия старого типа концентрировалась на индустриальной политике и требовала кейнсианских подходов, в то время как либералы сосредотачивались на дерегуляции и либерализации рынка. Политическая экономия “третьего пути” соотнесена с различными приоритетами – образованием, инициативой, предпринимательской культурой, гибкостью, передачей власти и выращиванием социального капитала. Мыслящие в духе “третьего пути” подчеркивают, что строгая экономика предполагает строгое общество, но не понимают эту связь как идущую от вмешательства старого стиля. Цель макроэкономической политики – поддерживать низкую инфляцию, ограничивать государственные займы и использовать все активные, либеральные способы ускорить рост и обеспечить высокий уровень занятости» [14, р. 73].

Проблема занятости становится одной из ключевых общественных и государственных задач в условиях глобализации рынка, всё убыстряющегося технологического обновления, конкурентности и нового уровня компетентности, необходимого новой экономике. Если раньше люди уходили из деревень в городскую индустрию, затем с заводов в сервис, то теперь им некуда будет уходить. Сегодня в США в материальном производстве участвуют всего 7% населения. Остальные значимы для производства в качестве потребителей и работников, обеспечивающих производство и потребление – строящих дороги, создающих инфраструктуру и т.д. Такая модель занятости еще долгое время будет сохраняться. Но внедрение новых технологий будет сокращать численность работающих из-за несоответствия их числа и квалификации, о чем уже много писали такие авторы, как Дж. Рифкин, М. Кастельс, В.Л. Иноземцев и др.

К. Маркс мечтал о свободном времени как времени собственного развития людей. Но безработные не могут направить энергию на собственное развитие, будучи отверженными обществом и деморализованными. Гидденс, сознавая грядущую ситуацию невозможности полной занятости, предлагает заботиться о человеческом капитале. Видимо, придется осознать занятость как ценность. Но это противоречит эффективности экономики, ее неумолимой конкурентности. Он предлагает поддерживать человеческий капитал через образование и возможность переучивания на новые профессии. Но главное, сегодня нельзя, как старые левые, видеть в бизнесе только эгоизм, направленный на получение прибыли, или, как неолибералы, подчеркивать значимость только той рациональности, которая соответствует нуждам рынка. Социальное и гражданское предпринимательство, т.е. успешная деятельность в

социальной сфере не менее значимы, чем работа в рыночном контексте. И рывок творческой энергии, который можно наблюдать в технологии и глобальном рынке, нужен в обществе, в публичном секторе, – считает Гидденс [14, р. 75]. Поэтому проблема занятости, налогов, переобучения, пособий детально разрабатывается с точки зрения принципов и целей, которые могут быть достигнуты политикой «третьего пути». Но здесь, разумеется, нет никаких разговоров о лишних людях или о том, что некоторые могут стать лишними. Напротив, едва ли ни в марксовом смысле обсуждается вопрос о человеческом и социальном капитале как интегральной составляющей новой «знаниевой» экономики. Речь идет о кооперации, в том числе и в технологических областях для создания успешных инновационных сетей. Главная надежда на обеспечение занятости состоит в том, что «социальные предприниматели могут стать высокоэффективными новаторами в области гражданского общества, в то же время внося вклад в экономическое развитие» [14, р.82]. Таким образом, в отличие от старых левых, Гидденс не говорит о регулировании экономики, а в отличие от либералов, он считает, что общество сегодня нуждается в большем, а не меньшем присутствии государства. Но государство должно работать «выше» и «ниже» уровня рынка, будучи нацелено на получение общественного блага. Таким образом, разорванная традиция поиска блага и рассмотрение только свободы как источника всех и всяческих благ здесь соединяются.

Одним из главных направлений критики «третьего пути» было то, что это – англосаксонская модель, неприемлемая даже для континентальной Европы. Северные, скандинавские страны гордились своей системой достижения благосостояния за счет высоких налогов и их справедливого перераспределения, обеспечивающего процветание граждан. Действительно, Норвегия и Финляндия – страны очень высокого жизненного уровня. Но и они, как теперь Швеция, не могут не столкнуться с бегством капитала туда, где выгодно, за пределы государственных границ, ибо при глобализации эти границы уже не являются границами для капитала. Как отмечает шведский исследователь и политик О. Петерссон, «способность современных государств находить подходящие решения сегодня резко сократилась: во-первых, потому, что большая их часть выходит за рамки национальных границ, во-вторых, наиболее серьезные вопросы требуют значительной координации усилий в международном масштабе и, в-третьих, нынешняя публика не склонна смиренно соглашаться с установками, принимаемыми наверху и “спускаемых” вниз для исполнения» [2, с.13].

Концепция «третьего пути» остро реагирует на изменение жизненных стилей, проявляя интерес к проблеме риска, становящегося фактором повседневности, экологии, традиции, значимость которой возрастает, изменениям в семье. Отношение к этим институтам и фактам обыденной жизни происходит в том же русле преодоления конфронтации старых левых взглядов и либеральных подходов. Это – отдельная интересная тема.

Новых английских лейбористов критиковали за то, что они опираются лишь на узкую прослойку среднего класса наиболее развитых регионов Англии. Одна из целей «третьего пути» – расширение среднего класса, пересмотр проблем социальной помощи и обсуждение проблем неравенства. Детально разработаны принципы перестройки государства благоденствия для стимулирования людей к работе и развитию. Предлагается пересмотр идеи равенства на основе сравнительных оценок возможностей самых верхних и самых нижних слоев. Этот двухуровневый подход составляет основу нового подхода к проблеме бедности.

Глобализация «третьего пути» как пример локального воздействия на глобальные трансформации.

Глобализация «третьего пути» понимается в двух смыслах: как расширение круга стран, выбирающих этот путь, и как применение «третьего пути» для решения проблем глобального сообщества.

В первом смысле отмечается, что все больше стран с надеждой смотрят на перспективу «третьего пути», находя в нем одновременно и смену принципов, и конкретные политические механизмы, которые к тому же обладают достаточной вариативностью, определяемую особенностями культуры той или иной страны и ее конкретными задачами. Новая ситуация в мире привела к распространению модели «третьего пути». Сегодня в Европе ее используют четыре страны:

- рыночно ориентированный подход новых либералов (Великобритания);
- рыночно и консенсусно ориентированный подход (Дания);
- шведская модель реформирования социального государства;
- французский путь, при котором приоритеты определяет государство [9, p.31].

Эти характеристики даны исследовательской службой социал-демократической партии Германии. Что же представляет собой германский «третий путь»? Новые социал-демократы более прагматичны и стоят по ту сторону социализма или либерализма. Шредер модернизировал отношение к бизнес-сообществу, ввел формы партнерства политики и бизнеса, благодаря которым создаются рабочие места. После победы на общенациональных выборах он стал следовать английскому варианту «третьего пути» как реакции на глобализацию и новую модернизацию. Но немецкие сторонники «третьего пути» раскололись. Если Шредер занял модернизаторские позиции, то министр финансов Лафонтен – более традиционалистские. Он считает, что необходимо макроэкономическое управление, введение международных форм регулирования глобального рынка, укрепление существующей системы социальной помощи и т.д. В этом споре формируется образ немецкого «третьего пути» как национально ориентированного, но открытого для глобальной экономики [20, p.74-85].

География «третьего пути» расширяется. Нидерланды, Португалия, Испания, Греция, Италия, Новая Зеландия, Латинская Америка, Тайвань и др. проявляют к нему значительный интерес.

Бразильский ученый Л. К. Брессер-Перейра пытается показать серьезные отличия старых левых, новых левых и новых правых в развивающихся странах. Старые левые понимают партийный контроль как бюрократию, новые левые – как роль нового среднего класса, новые правые – как роль бизнес-элит. Приведем различия между восприятием этими силами различных проблем.

Проблема	Старые левые	Старые правые	Новые правые
Роль государства	централизация	дополнительность	вторичная
Реформа государства	воспроизводство бюрократии и большого государства	изменения в сторону менеджерских функций	минимальная роль
Исполнение как основа социальных служб	контролируется непосредственно государством	публичными негосударственными организациями	частными фирмами, осуществляющими бизнес
Финансирование	осуществляется	осуществляется	частным сектором

как основа социальных служб	государством	государством	
Социальная безопасность	обеспечивается государством	государство обеспечивает лишь основания социальной безопасности	обеспечивается частным секторяом
Макроэкономическая политика	популистская	неокейнсеанская	Неоклассическая [5, p.368].

Как видим, в изложении «третьего пути» бразильским автором неокейнсианство сохраняется, хотя новые левые в Европе от него отказываются. Это объясняется иной степенью зрелости бразильского капитализма и его меньшей вовлеченностью в глобальный рынок.

Особенно интересно, что *отношение к глобализации* описывается у *старых левых* как *отношение к угрозе*, у *новых левых* – как к *вызову*, на который надо *отвечать*, у *новых правых* – как к *выгодному процессу*. Гидденс солидаризируется с этой мыслью в одной из своих работ.

Если победители глобализации – западные страны посчитали для себя необходимым ускорить прогрессивное развитие и пройти новую, весьма драматичную модернизацию, то что они могут предложить тем, кто не осуществил еще модернизации в классическом понимании этого процесса? Этот коренной вопрос не может быть разрешен паллиативами перераспределения демократизации, которая часто оборачивается гуманитарной интервенцией, концепцией устойчивого развития, не обеспечивающей прогресса. Даже 11 сентября не заставило Америку задуматься о причинах, породивших волну терроризма. Все свелось к злой воле отдельных лиц, к объявлению ряда стран изгоями. Не был проявлен интерес к анализу мирового неравенства, бедности ряда стран и оскорбительного пренебрежения культурой целых народов и их образом жизни. Мировой банк издает серию «Голоса бедных», ООН и ЮНЕСКО заняты их проблемами, но западные страны в целом удовлетворены статус кво и только начинают думать о внешних вызовах [6; 8; 16].

Что же представляет собой развитие незападных стран, в условиях, когда западные страны вступили в новую модернизацию, а они не завершили старой? По мнению С. Хантингтона, модель вестернизации без модернизации (Египет, Филиппины) показала свою несостоятельность; модель модернизации без вестернизации (Юго-Восточная Азия) показала свою ограниченность, недолговременность; догоняющая модель (Россия, Турция, Мексика) осложнена тем, что Запад перестал быть образцом развития, перешагнув в новый информационный мир. Остается одна модель – национальных модернизаций, которые могут быть осуществлены в рамках прежде достигнутых вестернизаций [18, p.75]. В этом смысле Россия достаточно вестернизирована, хотя она может еще заимствовать некоторые западные структуры. Но главное для нее – решить свои внутренние проблемы. Сходную мысль отстаивает известный теоретик модернизации Ш. Айзенштадт и другие исследователи. Показывая, что Запад теряет статус модели развития, он выдвигает концепцию множества модернизмов, т.е. опять же национальных моделей модернизации [21]. Это позволяет говорить о различии внутренних задач и проблем выхода в глобальную экономику для незападных стран.

Первый урок «третьего пути» для России

В России многие считают, что нашей стране незачем участвовать в несправедливой глобализации. Мотив привязанности к оливковому дереву (в данном случае – к березе), т.е. модель сакральной привязанности к своей стране и дому может возобладать в России. Но как показывает трагический путь других стран, без развития, улучшения жизни этот пласт глубинной самоидентификации нации исчезает и сменяется простой адаптацией. Бóльшим патриотом, окажется, скорее, тот, кто сочетает эту привязанность с желанием процветания своей страны. Действительно, глобализация неравномерна и несправедлива. Как показано в докладе ООН «Глобализация с человеческим лицом» (1999), глобализация в ее сегодняшнем виде – источник растущей бедности целых стран и континентов, роста «четвертого» (самого бедного) мира. Так, разрыв между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами в 1960 г. составлял 30:1, в 1990 – 60:1, в 1997 г. – 74:1. 19% мирового населения имеют 71% глобальной торговли и услуг. Из 82% мирового экспорта доля пяти беднейших стран составляет 1%. Из 74% телефонных сетей эти страны имеют 1,5 %. В документе приводятся фантастические цифры: три самых богатых человека мира — вдова хозяина магазинов Вулворт, Билл Гейтс и король Брунея — владеют капиталом, равным совокупному валовому продукту пяти беднейших стран [16, р. 343]. В этом отношении, конечно, глобализация противоположна классической модернизации. Последняя настраивала на то, чтобы незападные страны могли догнать Запад, хотя бы немного приблизиться к нему. Запад индустриализован — стройте индустрию. Он производит автомобили — производите и вы. На примере Румынии сегодня можно видеть, что наличие собственных автомобилей, танков и даже самолетов совершенно не делает ее страной глобальной экономики, потому что эти ее автомобили, танки и самолеты никому не нужны. Все попытки догнать путем заимствования, копирования обрекают на бесконечное отставание. В сущности, в глобальную экономику могут войти только те, кто сумел создать особенный, уникальный продукт для мирового рынка или произвести некий крайне необходимый продукт по самой дешевой цене. Сегодня в клуб избранных вошли Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Китай, Мексика, Индонезия, Таиланд, Малайзия. Россия практически не вошла, не вошла и Саудовская Аравия с ее гигантскими нефтяными запасами, потому что речь идет не об энергетическом вхождении, а о вхождении за счет технологического прорыва, исключительной творческой возможности гениев, которые создают такой прорыв. Если Россия перестанет производить нефть, в мировой экономике ничего не изменится. Норвегия, Венесуэла и другие страны произведут ее больше.

У экономически, информационно и технологически развитых стран в условиях глобализации возникают необычайные преимущества, и разрыв между богатыми и бедными странами не только нарастает. Если развитие по этому пути продолжится, разрыв непреодолим.

В XX столетии ответом на свободную торговлю, мировую экспансию Запада явились такие движения, как национализм, коммунизм, фашизм. Они затормозили глобализацию, но не принесли счастья своим народам. Сегодня ожидать подобных системных сопротивлений не приходится хотя бы потому, что они уже показали свою слабость в качестве альтернативы глобальному миру. Нынешние протесты, объединяющие множество людей, по разным причинам ненавидящим глобализацию, не выдвигают альтернативу, а лишь предлагают задуматься о ее несправедливости. Их этический протест не создает альтернативной экономической модели, а глобализация строится на мировой экономике.

Отношение к глобализации в России похоже на прежнее отношение к капитализму. С левых позиций реакция на вызовы глобализации должна быть такой же,

как на вызовы капитализма. Социализм был одним из способов модернизационного ответа на вызов капитализма, классической модернизацией, которая часто носила насильственный характер и осуществлялась в условиях изоляции. Другой выбор в ситуации глобализации возможен, но за него придется платить отсталостью, зависимостью.

Глобализация не стала темой размышления правящих кругов ни в качестве угрозы (как ее воспринимают старые левые), ни в качестве вызова (как к ней должна была бы отнестись правящая элита). Она с радостью воспринята правыми радикальными либералами как прибыльная.

Концептуально не прописаны разделение внутренних и внешних задач страны, отличие способов внутренней модернизации по национальной модели и попытка использовать возможности прорыва в глобальную экономику как шанс неклассической модернизации, долговременного прогресса, способного в конечном итоге преобразоваться и во внутреннее более успешное развитие.

В концепции «третьего пути» исключительное внимание уделяется новым технологиям, новой экономике, информатизации. В России была сделана ставка на малый и средний бизнес, не являющийся фактором глобализации экономики. 20 марта 2002 г. принята программа развития девяти приоритетных направлений научно-технического развития, дающая надежды на точечные прорывы в глобальную экономику. Среди них нет ни одной социально-гуманитарной дисциплины, кроме экологии. Это дало повод некоторым физикам радоваться, что наконец-то, может быть, деньги заберут у никчемных гуманитариев и передадут им. Между тем «немецкое чудо» оказалось возможным благодаря продуманной программе немецких политологов-либералов, «японское чудо» реализовалось на основе предложенного японскими социологами проекта, а «третий путь» в Англии и других странах – на базе концепции, предложенной Гидденсом, который убедительно раскрыл (как и У.Бек) роль социальных наук для предотвращения рисков технологических инноваций и нежелательных последствий глобализации.

Второй (неправильно выученный Россией) урок «третьего пути».

Концепция и практика «третьего пути» показала ценность социального государства, которое не может быть отменено, но должно быть трансформировано.

Согласно статье 7 Конституции РФ, российское государство является социальным. Следовало бы добавить – демократическим социальным. Такое определение не соответствует либеральной политике, основной принцип которой – самоответственность, а не солидарность, а в российском радикально либеральном варианте – индивидуализм. По сути дела, радикальный либерализм может быть признан противоречащим по этому основанию действующей Конституции.

Приход Путина к власти прошел под знаком усиления государства, воспринимавшегося населением как фактор наведения порядка. Закончилась революционно-романтическая и революционно-прагматическая фаза антикоммунистической революции и, как это бывает после всякой революции, начался восстановительный период, при котором возвращалось положительное старое и удерживалось приемлемое новое. У народа осталась вера в консолидирующую общество функцию государства, в его патерналистскую роль и стремление к справедливости. Термин «сильное государство», ставший частью официальной риторики, трактовался как социальное государство, направившее свои усилия на искоренение недостатков. Были предприняты меры по укреплению властной вертикали, деприватизации власти, приведения законов автономных республик в соответствие с федеральными законами, проведена партийная реформа, позволившая осуществить

консолидацию общества вокруг властей.

Программа Грефа представляет собой типичную неолиберальную программу, которая, по мнению многих, повторяет проект Гайдара 1991-1992 гг. и «молодых реформаторов» 1997-1998 гг. Ее положения о всестороннем развитии не должны вводить в заблуждение. Максимум, о чем здесь идет речь, это многообразие экономических инициатив. Социальные намерения власти, как они предстают в программе Грефа и законодательных инициативах, опираются на два источника – субсидиарность и самоответственность. Последний способ общения с обществом соответствует формуле «третьего пути».

Субсидиарность – это принцип, который требует от государства социальной помощи бедному населению и защиты его от социальных рисков. Солидарность – это концепция социального государства индустриального общества, утверждающего возможность классового компромисса и обеспечивающего его достижение благодаря активной социальной политике, смягчению действий рынка в области здравоохранения, образования, транспорта, жилья и пр. Самоответственность – это политика либерального государства, которая возлагает решение социальных проблем на самих граждан. *В новом лейборизме она предстает как политика модернизированного социального государства, которое защищает общество от чрезмерного вторжения рынка и его эксцессов, оставляя нерыночные сферы.* Эта политика принята по-настоящему только в Британии, самой развитой стране капитализма, но там утверждается и выполняется взаимность ответственности граждан и государства посредством гражданского общества, которого в России нет. Именно развитое гражданское общество позволяет Британии активно использовать эту модель в отличие от других государств. Даже в США делается огромная ставка на субсидиарность и солидарность, что выражается в поддержке бедных и маргинальных слоев, эмигрантов, инвалидов, этнических групп – афроамериканцев и латиноамериканцев.

Стратегическая цель новой социальной политики в России сегодня определяется как переход к устойчивому социальному развитию через взаимную ответственность государства и человека [1, с.11]. Ясно, что эта формулировка отличается даже от самой радикальной трактовки модернизированного социального государства Запада, выдвинутой английским премьер-министром Т. Блэром, в которой утверждается взаимная ответственность государства, общества и индивида, дополняемое отсутствующими у нас требованиями ответственного капитализма, достижения общественного блага, новых форм социального контроля, восстановления в правах понятия социального равенства, обеспечения не только устойчивого, но и прогрессивного развития. Российский (грефовский) «вариант», смягчающий положение лишь самых бедных, в отношении которых государство намерено быть в какой-то мере субсидиарным, в отношении остальных предполагает только превентивные меры, которые предупреждали бы безработицу и снижали остроту последствий массовых увольнений.

Откуда в России появились идеи неполной занятости, взаимной ответственности? На Западе они возникли в связи с глобализацией и переходом в постиндустриальное общество. Россия еще не вступила в эту фазу развития, сектор новой экономики здесь не является преобладающим. Она не реагирует и на глобализацию как новый тип социальной трансформации. Находясь в фазе индустриального развития, наша страна не может сегодня ставить вопрос о том, чтобы догнать постиндустриальный Запад, а, тем более о том, чтобы использовать догоняющие модели модернизации в политике.

Более адекватной формой российского государства может быть не модернизированное социальное государство постиндустриального периода, а

социальное демократическое государство эпохи индустриализма, государство, на формирование которого оказал влияние российский социалистический опыт. Нам необходим социальный консенсус, ограничивающий бегство капитала, поскольку страна не вступила и в фазу активного участия в глобальной экономике. Россия не может перейти к модернизированной схеме социального государства английского типа, поскольку в ней не построено гражданское общество, нет бизнеса, ответственного и готового заместить государство в социальных проектах, нет условий для ответственности граждан за свою судьбу и даже для нормальной оплаты профессионального труда, которая позволила бы провести намеченные реформы жилищно-коммунальной сферы, образования и здравоохранения.

Судя по всему, на сегодняшней фазе развития идеи социального демократического государства в России «списываются» с модернизированного социального государства Блэра, хотя для их реализации в России нет ни малейших оснований. Английский вариант трансформации социального государства с трудом проходит в Германии, не воспринимается как приемлемый в других странах. Откуда в России, где недофинансированный научный сектор не может перевести страну на постиндустриальные рельсы, где нет дорог, где покупка квартир недоступна среднему классу, не говоря уже о бедных слоях населения, эта идея об ответственности граждан за свою судьбу? Если государство будет вести себя подобным образом по отношению к своим гражданам, оно может невольно ускорить появление очагов гражданского общества, которые сформируют консолидированное сопротивление такой политике, но вряд ли это будет способствовать осуществлению намеченных преобразований.

Представитель немецкой классической философии И.Г.Фихте в работе «Замкнутое торговое государство» (1800), показал, что в таком государстве, при всех его недостатках, господствует порядок, а разомкнутое, свободное торговое государство становится анархическим при всех его достоинствах. Постоянный переход от порядка к анархии и обратно, от замкнутого торгового государства к открытому и обратно напоминает движение маятника. Как же его остановить? Фихте говорит: «Для этого надо помыслить общество иначе». Сторонники «третьего пути» помыслили иначе и дали толчок к осмыслению тех процессов, которые происходят в современном мире.

Литература

1. *Гонтмахер Е.* Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // Pro et Contra. 2001. Т.6. № 3. Лето.
2. *Петерссон О.* Шведская система правления и политика. М.: Ad Marginem, 1998.
3. *Blair T.* The Third Way. L.: Fabian Society. 1998.
4. *Blair T., Schröder G.* Europe: The Third Way – die Neue Mitte. L.: Labour Party and SPD, 1999.
5. *Bresser-Pereira L. C.* The New Left Viewed from the South // The Global Third Way Debate.
6. Can Anyone Hear Us? N. -Y.: Oxford University Press for the World Bank, 2000.
7. The Changing Nature of Democracy / Ed. by T. Inoguchi, E. Newman, J. Rtane Tikio, N.-Y., P.: United Nations University Press, 1998.
8. Crying Out for Change. N. Y.: Oxford University Press for the World Bank, 2000.
9. Dritter Weg – Neue Mitte. Berlin: Grundwertekommission beim Parteivorstand der SPD. 1999. (Цит. по: Giddens A. The Third Way and its Critics).
10. *Edwards M.* Humanizing Global Capitalism: Which Way Forward? // The Global Third Way Debate.

11. *Friedman Th.* Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y. : Anchor Books, 2000.
12. *Giddens A.* Beyond Left and Right. Cambridge: Polity Press, 1994.
13. *Giddens A.* Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. L.: Profile books, 2000.
14. *Giddens A.* The Third Way and its Critics. Cambridge: Polity Press, 2000.
15. *Giddens A.* The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
16. Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate. Cambridge: Polity Press, 2000.
17. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 2000.
18. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. N.-Y: Simon & Schuster, 1996.
19. *Meny Y.* Five (Hypo)theses on Democracy and its Future // The Global Third Way Debate.
20. *Meyer Th.* From Godesberg to the *Neue Mitte*: The New Social Democracy in Germany // The Global Third Way Debate.
21. Multiple Modernities // *Daedalus*. Journal of the American Academy of Art and Sciences. 2000. Winter. Vol.129. № 1. (СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК).
22. *Naisbitt J.* Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.-Y.: Warner Books, 1984.
23. The New Progressive Declaration. Washington: Democratic Leadership Council–Progressive Policy Institute – PPI, 1996.
24. *Sengupta A.* Realizing the Right to Development // Development and Change. Oxford, UK: Institute of Social Studies, 2000. Vol. 31.
25. The Third Way: Progressive Governance for the 21st Century // The White House. 25 April 1999.